

«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА» САМАРСКОГО КОМУЧА (ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА)

Перестроечные ветры, породив первоначально лишь мелкую рябь, переросшую вскоре в девятый вал антикоммунистических настроений, как и всякое явление, имели и положительную и отрицательную сторону. Исследователи стали задумываться над состоятельностью прежде незыблемых трактовок событий российской истории. Пошел процесс пересмотра ее идеологизированных мифов. Но не стал ли при том сгушаться туман новой исторической мифологии?

Нарастающее негативное отношение к деятельности большевистских властей способствовало активному проникновению в отечественную историческую науку достаточно распространенной в западной и эмигрантской историографии концепции политики военного коммунизма как порожденной не столько конкретикой военно-политической и экономической ситуации, сколько программными целями и идеалами большевиков.¹ Концепция была подхвачена и стала распространяться российскими историками.²

Оборотной стороной явления становится поиск оптимальной экономической альтернативы, поиск иного экономического варианта развития общества в условиях гражданской войны, долженствующего обеспечить бескризисное существование страны. Понятно, что поиск пошел в сфере деятельности враждебных власти большевиков лагерях. Внимание, в частности, стал привлекать наиболее классический вариант эсеровского «третьего пути» — Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч).

Пробная, еще робкая, попытка намечается уже к исходу перестроечного периода. В вышедшем тогда труде «Наше Отечество (Опыт политической истории)», авторы которого попытались пересмотреть некоторые утвердившиеся в условиях режима власти КПСС постулаты российской истории, говорилось о совершенном Комучем «целом перевороте» в продовольственном деле, единогласно принятом и продовольственниками, и кооператорами, и рабочими, и крестьянами, и хлебной биржей. Перевороте, давшем богатый хлебный приток («сотни тысяч пудов») по дешевой цене (30 руб. за пуд), при полном по существу провале большевиков в разрешении этой проблемы.³

Но если научная общественность продолжала при этом все же осторожничать в оценках ситуации, то в бой ринулась газетная публицистика, активно формируя очередной стереотип исторического

сознания. И чем далее в прошлое отходил советский строй, тем активнее нарастала ситуация.⁴

Собственно на уровне публицистических изысков осмысление вопроса и застыло в лакировано-идеализированном варианте, соответствующем политической конъюнктуре времени. Вместе с тем, встретившиеся автору в архивных документах и в материалах дружественной Комучу (но неофициальной) газетной периодики того времени факты заставляют усомниться в этой идиллии.

Хорошо известно, что продовольственная проблема в годы гражданской войны была по своему значению, пожалуй, центральной. Поэтому предлагаемые различными режимами варианты ее разрешения имеют принципиальное значение для научного осмысления проблематики данного периода развития российского общества, для понимания происходивших тогда процессов и конечных их итогов. Что уже не терпит конъюнктурных политических подходов. Тем более что вопрос имеет и актуальное политико-практическое (опять же не конъюнктурное) звучание. Ведь совершенно ясно, что накопленный в тот сложный исторический период опыт (и позитивный и негативный) вполне может и должен быть учтен при разрешении многих современных социальных и экономических проблем.

Поэтому автор и ставит перед собой задачу анализа «экономической альтернативы» Самарского Комуча в преломлении через призму его продовольственной политики, опираясь на данные архивных документов и материалы периодической печати того времени. И первым логичным шагом исследования видится определение предложенной Комитетом членов Всероссийского Учредительного собрания концепции разрешения проблемы.

В целом известно, что в сфере экономической жизни Комуч стремился сместить акценты на частнопредпринимательские принципы. Выступая 9 июня 1918 г. (власть Комитета установилась в Самаре 8 июня) перед представителями местных банков, торговли и промышленности, член Комитета Учредительного собрания И.М. Брушвит прямо указал: «В области финансово-экономической — отменяются национализация банков, торговли, промышленности, финансов и вообще всякие стеснения личной инициативы и предприимчивости. Частный торгово-промышленный аппарат должен быть восстановлен».⁵ Курс был спроецирован и на продовольственный вопрос. В своем обращении к торгово-промышленным организациям Комуч высказался за реорганизацию продовольственного дела «при непременно действенном участии» этого самого частного торгово-промышленного аппарата.⁶

Состоявшееся перед тем (10 июня) продовольственное совещание с участием представителей новой власти высказалось за отмену твердых продовольственных цен.⁷ 18 июня Комуч и губернский продовольственный комитет обратились к крестьянам с воззванием, призвав их везти хлеб в Самару и дозволив свободный ввоз муки и хлеба по вольным ценам.⁸ 27 июня 1918 г. Комуч издал специальный приказ по продовольственному вопросу. Сохранялся определенный аспект государственного контроля хлебозаготовок (руководство продовольственным делом поручалось продовольственной управе, подчиненной непосредственно Комитету членов Всероссийского Учредительного собрания; в качестве экономической и технической хлебозаготовительной организации создавался Хлебный совет, регулируемый продовольственной управой; ведущие хлебные заготовки на свои средства частные лица, фирмы, общества и союзы подлежали подчинению всем правилам биржевой торговли и регистрации (имя покупателя, место хранения, количество, сорт и цена хлеба); перевозки и перепродажа хлеба внутри и за пределами Самарской губернии регулировались через Хлебный совет разрешениями продовольственной управы), но твердые цены на хлеб отменялись.⁹

Предложенная Комучем концепция разрешения продовольственной проблемы вполне соответствовала и в целом отражала настроения, существовавшие на местах. Настроения эти немедленно проявляли себя с попаданием территорий под власть Комитета.¹⁰ Аграрно ориентированный регион, составлявший территории власти Комуча, явно реагировал на предшествующую советскую политику продовольственной диктатуры, начавшую перерастать в принудительно-реквизиционную с соответствующими действиями и нарушениями на местах (что признавалось самими большевиками¹¹). Данному курсу и противопоставлялась рыночная альтернатива с эйфорией на блестящие результаты. Как отмечалось 1 июля на чрезвычайном заседании Бугурусланского уездного земского собрания, «только благодаря вольным ценам хлеб появился на рынке и уже начал дешеветь».¹²

Определенный распределительный продовольственный механизм для малоимущих слоев городского населения Комуч, впрочем, сохранил, но цены за распределяемые нормы были существенно повышены.¹³

Переход к рыночным механизмам разрешения продовольственной проблемы первоначально действительно дал позитивные сдвиги. Улучшение продовольственного положения, например, в Самаре вскоре после установления власти Комитета членов Всероссийского

Учредительного собрания отмечали очевидцы событий.¹⁴ Подтверждается это и материалами периодической печати того времени.¹⁵

Но уже с июля начинают наблюдаться негативные изменения. С мест поступают сообщения о крайне высоких ценах на продовольствие и товары первой необходимости, более того — об их полном исчезновении с рынка.¹⁶ В столице режима учредилдовской демократии Самаре ситуация выглядит не лучше. Прежний оптимистичный тон прессы (той же меньшевистской «Вечерней зари», тщательно отслеживающей положение на продовольственно-товарном рынке) меняется на озабоченный. 3 июля «Вечерняя заря» констатирует уменьшение привоза и сильное повышение цен на муку (до 55–65 руб. за пуд).¹⁷ 18 июля газета уже отмечает совершенное прекращение подвоза муки, пытаясь объяснить причину тем, что «крестьяне повсюду приступили к уборке сена».¹⁸ Сенокос завершился, но ситуация лучше не стала.¹⁹

Проще говоря, тенденция с июля месяца демонстрировала все более нарастающие сложности в продовольственном обеспечении населения при сохранении на рынках (при незначительных колебаниях) весьма высоких цен. Регион начинает втягиваться в нарастающий продовольственно-товарный кризис. Проведенная к началу сентября 1918 г. проверка выявила абсолютный дефицит на Самарских рынках всех сортов круп, пшена, гороха, масла, спичек, табачных изделий и т.д.²⁰

Продовольственный кризис охватывал не только гражданское население, но и армию. Так из Бугуруслана, например, сообщали 1 августа в Самарский губернский продовольственный комитет, что «отсутствие хлеба на базаре в г. Бугуруслане и почти повсеместно в Бугурусланском уезде не дает решительно возможности своевременного удовлетворения нужд местного гарнизона». И просили срочно отправить из Самары хотя бы 3 тыс. пудов ржи или ржаной муки.²¹ Но уже 20 июля в самой столице режима Учредительного собрания интендант слезно умолял разрешить реквизировать для нужд армии следующие транзитом и задержавшиеся из-за проблем на железнодорожном транспорте 11 вагонов пшеничной крупы, «ибо в Самаре и ее окрестностях совершенно нет никаких круп, и скорое прибытие таковой также не предвидится».²²

Имеющие при том определенные продовольственные запасы регионы территорий Комуча стали занимать резко сепаратистские позиции, запрещая вывоз хлеба в другие районы и крупные городские центры²³. Воинские же отряды начали демонстрировать тенденцию активного самообеспечения за счет крестьянства (проще говоря, переходили к грабежу).²⁴

Резко начинают меняться на антирыночные настроения населения. Уже в конце июня оглашенная лидером самарских меньшевиков А. И. Кабцаном от всех фракций резолюция рабочей конференции по продовольственной политике отрицала возврат к свободной торговле хлебом, настаивая на жесткой хлебной монополии в деле заготовки и распределения продовольствия и установлении государственного контроля над производством и распределением продуктов первой необходимости и массового потребления. Лишь в сфере приобретения хлеба у крестьян допускалась «вольная ценовая политика» (в зависимости «от цен на продукты фабрично-заводского производства и от других затрат») для стимуляции добровольного предложения продовольствия крестьянством и исключения насильственных мер при хлебозаготовках.²⁵ Советы кварталов Самары, где проживали малоимущие слои населения, с июля стали требовать не понижать ежедневную нормированную выдачу хлеба на человека, а поднять ее с полуфунта до одного фунта. И если не возратить прежнюю цену в 50 копеек за фунт выдаваемой по нормам хлебной выпечки (т. е. где-то 20 руб. за один пуд готовой хлебопродукции, когда на рынках цена даже на муку колебалась в пределах 55–65 руб. за пуд), то хотя бы установить следующие твердые цены: 80 коп. — фунт пшеничного хлеба и 50 коп. — фунт ржаного.²⁶

Если в столице режима учредилowsкой демократии дело пока ограничивалось требованиями снизу, то в глубинке замена свободной торговли нормированным распределением широкого ассортимента продуктов по твердым ценам и свертывания рыночной деятельности приобретает характер реализованной практики.²⁷

Попыткой разрешения ситуации все более вырисовывающегося продовольственного кризиса может рассматриваться последовавший 22 июля известный приказ Комуча, вносящий поправки в позицию власти Комитета в отношении земельного вопроса, позиции, основанной на принятом 5 января 1918 г. Учредительным собранием «Основном законе о земле».²⁸ Приказ 22 июля устанавливал, что «право снятия озимых посевов, произведенных в 1917 году, на 1918 год как в трудовых, так и в нетрудовых хозяйствах принадлежит тому, кто их произвел». Крупные посевики и частные экономии должны были произвести уборку хлебов под контролем органов местного самоуправления с преимущественным правом государства на приобретение собранного хлеба.²⁹

Замысел вполне очевиден. Признав право на урожай за прежними владельцами земли, имеющими по существу возможность его реализации лишь государству, Комуч надеялся получить солидный продовольственный запас. Не случайно он также объявил недей-

ствительными разделы этих земель крестьянами после 1 июня.³⁰ Однако шаг этот не дал (и не мог дать) позитивного результата. Он лишь поспособствовал обострению социально-политической обстановки в деревне, усилению негативного отношения крестьянства к новой власти. В частности, это выразилось в хлебном бойкоте Комучу и в активном препятствовании в сборе урожая прежними владельцами (тем более, что последние стали воспринимать ситуацию как курс на восстановление их прав земельной собственности) со стороны крестьян.³¹

Не получая необходимого количества хлеба (при его достаточных запасах) с подвластных территорий, Комуч вынужден был обратиться за продовольственной помощью к иностранным миссиям. В частности, обратились к французскому консульству о передаче Самарскому губернскому продовольственному комитету 200 вагонов с хлебным грузом, которые должны были быть отправлены в адрес консульства из Сибири. Консул Жанно изъявил на это согласие.³²

«Французский хлеб» стал прибывать в Самару лишь в сентябре, вызывая, тем не менее, неподдельную радость властей и общественности. Как с восторгом писала по поводу прибытия второй партии хлеба, закупленного французской миссией, меньшевистская «Вечерняя заря», «Самара этой мукой обеспечена на месяц».³³ Всего к 1 октября от французов поступило 15 тыс. пудов муки и 185 тыс. пудов зерна, распределение которых предусматривалось через квартальные организации по норме 20 фунтов на человека (половина пуда) и по цене 25 руб. за пуд.³⁴ Для сравнительного осмысления ситуации можно, например, отметить, что за два месяца (с 16 июля по 16 сентября 1918 г.) хлебозакупочная комиссия при Самарской конторе Центросоюза сумела заготовить лишь 82.243 пуда, сдав Хлебному совету при том всего 17.200 пудов хлеба.³⁵

Одновременно Комуч начинает кардинально пересматривать прежние принципы продовольственной политики. Начинает сворачивать рыночную систему, переходя к реквизиционно-распределительному курсу, аналогичному тому, что наблюдался в годы гражданской войны на большевистских территориях.

Состоявшийся еще в начале августа съезд продовольственных органов территорий Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (областной продовольственный съезд) заявил, что свободная торговля и распоряжение хлебными запасами противоречат общегосударственным и военным интересам, а потому не должны допускаться.³⁶ Власти Комуча еще некоторое время колебались, ожидая, видимо, положительных результатов от упомянутого выше приказа от 22 июля. Но 5 сентября последовало постановление

Совета управляющих ведомствами Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, подтверждающее, что «свободная хлебная торговля и свободное распоряжение частными хлебными запасами противоречат в данный момент как общегосударственным интересам, так и интересам армии и населения потребляющих губерний, а потому без контроля и регулирующего воздействия государственных органов допущена быть не может». Вводился принцип «регулируемых и контролируемых государственной властью» заготовительных продовольственных цен. Весь заготовленный не для личного потребления хлеб брался правительственными продовольственными организациями на учет. Им же передавалось все распоряжение и распределение продовольственных запасов. Продовольственные органы получили право «принудительного отчуждения хлеба».³⁷

Система свободной торговли стала сменяться достаточно жесткой системой государственного распределения.³⁸ Товарами монопольного характера были объявлены все виды хлебопродуктов, крупы, сахар, чай, масло, резиновые изделия, обувь, мануфактура, мыло, нитки и т.д.³⁹

Приходится констатировать, что рыночная альтернатива, предложенная Комучем в рамках продовольственной проблемы, оказалась в итоге несостоятельной и завершилась крахом. Остается лишь выяснить причины этого.

Позволим себе абстрагироваться от социально-политических причин, поскольку автору приходилось затрагивать этот аспект, анализируя изменения настроений крестьянского населения (основного поставщика продовольствия) территорий власти Учредительного собрания и его отношения к Комучу.⁴⁰ Сосредоточимся на моментах, связанных в основном с экономической ситуацией того периода.

Прежде всего, предлагая свою «экономическую альтернативу», Комитету членов Всероссийского Учредительного собрания стоило бы учесть разрастающийся в стране экономический кризис, принципиальными проявлениями которого было резкое падение промышленного производства и стоимости рубля, что абсолютно характерно и для территорий учредилловской демократии (по официальным данным падение рубля где-то в 10 раз). Стоило бы учесть и экономическую специфику подвластного региона, имеющего преимущественно аграрный, а не промышленный характер, что только усугубляло ситуацию дефицита промышленных товаров. Тем более что с установлением власти Комуча регион оказался если и не полностью изолированным от промышленных центров, находящихся под контролем большевистских властей⁴¹, то экономичес-

кие связи свелись к примитивному мешочничеству, что, понятно, не разрешало всей остроты проблемы. Имевшаяся же на подконтрольных Комитету территориях некоторая доля предприятий военного производства по понятным соображениям не могла быть переориентирована на удовлетворение потребностей населения в промышленных товарах.

Нарастающее же обесценивание рубля вело к все большей натурализации обмена. В сложившейся ситуации крестьянин готов был дать хлеб (еще раз оговоримся, что мы абстрагируемся от социально-политических аспектов и настроений крестьянской массы), но не за обесцененный рубль, а за реальные промышленные товары и за те продовольственные товары, что сам крестьянин произвести не мог (соль, сахар и т.п.). Деревня территорий Комуча переживала страшный товарный дефицит. Как отмечалось на одном из волостных крестьянских собраний, «деревня совсем погибает, нет товаров, керосина, пришел покос, косить нечем».⁴²

Но за обесценивающийся рубль (тем более что в качестве такового Комуч, испытывая острый дефицит средств, начал использовать даже облигации прежних займов⁴³) добровольно получить от крестьян продовольствие (в первую очередь хлеб) было невысказано. Крестьянство предпочитало превращать хлебные излишки в «самогонную валюту». Более чем показательным в этом плане донесение из Абдулинского района (факт далеко не единственный), что крестьяне деревни Нижний Курляй ссылаются на отсутствие хлеба: «Ничего удивительного нет! Нет ни одного дня, чтобы не курился дымок в этой деревне местах так в двадцати — тридцати (говоря скромно). Это идет курение самогонки. «Хлеба у них мало, как говорят мужики, но денег миллионы!»⁴⁴

Комуч, вероятно, предполагал разрешить проблему промышленного дефицита на основе восстановления и развития частно-предпринимательской деятельности (говоря современным языком, — мелкий и средний бизнес)⁴⁵, что соответствовало эсеровским программным установкам о прогрессивности капитализма в сфере промышленности (в отличие от сельского хозяйства) и публично выражалось лидерами Комуча.⁴⁶ Однако и здесь был допущен серьезный просчет.

Многие денационализируемые предприятия, даже связанные с весьма стабильной по спросу сферой социального обслуживания населения, не оказались востребованы прежними владельцами (например, бани⁴⁷). Очень многие восстанавливали свои владельческие права отнюдь не для развития производства, а для его закрытия и вывоза оборудования и сырья в Сибирь с целью продажи. Уже в

начале июля сам же Комуч констатировал: «В последнее время в Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания поступают сведения о приостановке и закрытии промышленных предприятий без всяких к тому оснований, причем о приостановке работ не извещаются ни государственные органы, ведающие промышленной жизнью, ни рабочие, занятые в предприятии».⁴⁸

В условиях крайне нестабильной экономической и политической ситуации (также оставим в стороне политические настроения торгово-промышленных кругов региона, в целом достаточно далеких от симпатии к «власти социалистов»⁴⁹) предприниматели не считали возможным серьезно вкладываться в развитие производства. Соглашались «рискнуть» лишь под гарантии иностранных союзников⁵⁰, которые, понятно, таковых давать не собирались. Поэтому капитал направлялся в ту сферу, которая позволяла при минимальных вложениях быстро получить высокую прибыль (пусть даже рассматриваемую в качестве незаконной).

Собственно, мы выходим на ту проблему, которую уже 18 июня отметила «Вечерняя заря»: «Понижению цен сильно препятствуют кишашие на рынке спекулянты, которые закупают муку десятками пудов».⁵¹ Быстро складывается мощный слой спекулянта-перекупщика, приобретающего организованный характер. Своей деятельностью он сводил на нет действие рыночных механизмов, подрывал возможность рыночной альтернативы решения продовольственного вопроса.

Подобный «предприниматель», скупая продовольствие «десятками пудов», реализовывал его затем по более чем завышенной и стабильно удерживаемой на этой высокой планке (учитывая организованный характер перекупщика и отсутствие потому в его среде элемента конкуренции) цене, практически недоступной для малоимущих слоев, составляющих большинство городского населения. Как уже отмечалось, на протяжении лета (с середины июня до сентября) рыночная цена пуда пшеничной муки колебалась в Самаре в пределах 55–65 рублей, тогда как в конце февраля, например, один пуд ее на рынках города стоил 27 рублей.⁵² При одновременном ухудшении ситуации с нормированным государственным снабжением можно понять нарастающее раздражение и недовольство в среде городского населения новой властью и ее «рыночной альтернативой». Не сложно понять начало подъема антирыночных настроений.

Попытки прессы и официальных властей объяснить проблему какими-то временными сезонными причинами (сенокос, полевые работы и т.п.) вызывали у современников саркастическую улыбку.

Как язвительно заметил гласный Самарской городской думы В.С.Гошен на заседании 3 июля, «молоко зимою было 7 руб. четверть, когда скот не был на подножном корму, и сено стоило 20 с лишним рублей пуд, и теперь, когда скот на подножном корму, молоко дешевле не стало».⁵³

Помимо того, деятельность спекулянта-перекупщика дополняла и без того сложную товарно-продовольственную ситуацию искусственно формируемым дефицитом. Весьма характерно и показательно в этом плане прозвучавшее уже 25 июня 1918 г. предупреждение Центрального совета кварталов г. Самары, что «на днях на самарском рынке мяса будет очень мало», так как запасы городской продовольственной управы исчерпаны. Тут же последовало и объяснение причины ожидаемого дефицита: «Это затруднение произойдет главным образом потому, что торговцы мясом, получая удостоверения от городской управы на покупку и пригон скота, скот закупают, но на городскую бойню не гонят и окольными путями колют на частных дворах и продают по дорогой цене».⁵⁴

С другой стороны, деятельность организованного спекулянта являлась одной (при наличии целого комплекса) из причин сокращения привоза продовольственных товаров крестьянством. Крестьянин вынужден был в итоге сбывать (либо вези назад) свою продукцию перекупщику по крайне заниженной цене. Не случайно уже с июля месяца (одновременно с резким сокращением привоза продовольствия из деревни) крестьянство требует установления твердых закупочных цен на хлеб («учитывая цену на рабочие руки и прочие расходы») и осуществление закупок под контролем земских управ кооперативами и зернобанками, и только в крайнем случае — частными лицами.⁵⁵

Проблема спекуляции быстро заняла одно из ведущих мест в деятельности центральных и местных властей режима учредилеской демократии. На борьбу с организованным спекулянтом-перекупщиком направлялись усилия милиции, создавались специальные комиссии по борьбе со спекуляцией. Безрезультатно.⁵⁶ Общественность пыталась воздействовать на сознательность, призывая коммерсантов помещать свои товары в квартальные лавки на комиссию.⁵⁷ Сознательность не проявлялась.

Административная деятельность Комуча по борьбе со спекуляцией не имеет для рассматриваемой темы принципиального значения. Упомянута же она была лишь для того, чтобы отметить, что при всех попытках этой борьбы сама практика власти Учредительного собрания способствовала (прямо, либо косвенно) расцвету этого явления.

По свидетельству работавшего в то время в Самарском губернском продовольственном комитете Анисимова, Комуч, испытывая нарастающую нужду в средствах, обратился к купечеству с призывом о пожертвовании. Купцы потребовали взамен залог. И он им был представлен в виде дефицитных товаров со складов Кудинского.⁵⁸ Согласно сохранившимся документам, таких товаров в начале июля было передано на сумму в 10 млн. рублей.⁵⁹ Представить дальнейший путь продвижения этих товаров, в общем-то, несложно. Не случайно жители Самары весьма обеспокоенно встретили этот шаг, требуя, «чтобы товар со склада Кудинского ни в коем случае не отпущался частным торговцам».⁶⁰

Косвенно организованный спекулянт подпитывался за счет сохранения наряду со свободной торговлей элемента нормированного распределения. В начале июля стала возникать ситуация, когда вместо положенных полуфунта хлебной выпечки на человека (пусть и по повышенной, но все же твердой цене в 90 коп. за фунт (36 руб. за пуд)) в квартальных лавках Самары стали встречаться случаи выдачи по карточкам четверти фунта. Заведующие лавками ссылались на то, что хлебопекарни отпускают в половинном размере причитающийся для жителей хлеб.⁶¹ Отдел же хлебопекарен утверждал, что представляется полная норма, но квартальные лавки «от получения таковой уклоняются».⁶²

Не принципиально, кто здесь лукавил. Ясно иное - в распределительной системе по линии «хлебопекарня - квартальная лавка» спекулянт получал серьезную поддержку. Либо до половины продовольствия в звене «хлебопекарня» исчезала, оказываясь в руках спекулянта, и доходила затем до потребителя по цене куда более высокой, либо же заведующие лавками способствовали искусственному обострению дефицита. Оба варианта работали на руку спекулятивному предпринимателю.

Однако делать из вышесказанного вывод о возможности разрешения проблемы с продовольствием путем полного отказа от элемента распределения в пользу чистого рынка было бы преждевременным. Подобный вывод соответствовал бы современным представлениям и ценностным установкам, но мало бы соотносился с реалиями периода гражданской войны. Понятно, что высказанная возможность (исключительно рыночные механизмы) по своим результатам и последствиям не может быть проанализирована на материалах Комуча. Не может, поскольку, как мы видели, его позиции эволюционировали в направлении свертывания рынка в пользу административно-распределительной системы в деле решения продовольственной проблемы. Однако опыт некоторых белых режимов

(к примеру, попытки А.И.Деникина в 1919 г., «левая политика правыми руками» П.Н.Врангеля), избравших рыночный вариант, свидетельствует о провале и безрезультативности данного варианта в куда более хлебных регионах России⁶³, нежели подконтрольных власти Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания.

Вместе с тем, начатое Комучем отступление от принципов рыночной экономики в продовольственной политике, естественно, не решило кардинально проблему, но определенная продовольственная стабилизация и улучшения стали заметны в сентябре 1918 г.

Товарно-продовольственного изобилия не наступило (да и не могло наступить), но обеспеченность населения, к примеру, Самары, стабилизировалась, угроза полного голода миновала. К тому же хлебная помощь французского консульства в сочетании с усилением государственной продовольственной монополии ударило и по спекулятивной цене, что также улучшало продовольственное положение населения. Понятно, что это не коснулось товаров абсолютного дефицита, направляемых исключительно на нужды армии и работников военизированного производства.⁶⁴ Но хлебные цены стали падать.⁶⁵

Совершенно ясно, что «экономическая альтернатива» Комуча в области продовольственного вопроса является идеализацией ситуации, экстраполяцией современных представлений и соображений политической конъюнктуры на тот исторический период, что определяется понятием «гражданская война» в России. Анализ же говорит, что предложенный первоначально Комучем альтернативный советскому вариант разрешения товарно-продовольственной проблемы оказался теорией (весьма привлекательной), не выдержавшей в тех конкретных условиях испытания практикой.

Примечания:

1. См., напр.: Пайпс Р. Русская революция/ Пер. с англ. Ч.2. М., 1994. С.353-355; Хоскинг Д. История Советского Союза. 1917–1991/ Пер. с англ. М., 1994. С.74–76; Геллер М.Я., Некрич А.М. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней: В 3 кн. Кн.1. М., 1995. С.57–58.

2. См., напр.: Булдаков В.П., Кабанов В.В. «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. №3; Они же. Диктатура доктрины// Родина. 1992. №2.

3. Наше Отечество. (Опыт политической истории). Ч.2.М., 1991. С.54–55.

4. Классическим примером может здесь служить статья самарских краеведов Андрея и Ирины Демидовых «Самарский Комуч: триумф и трагедия», рисующая бурную экономическую жизнь и блестящие продовольственные результаты деятельности Комитета Учредительного собрания на принципах частного предпринимательства. (См.: Самарские известия. 1996. 15 окт. С.11).

5. ГАСПИ СО. Ф.3500. Оп. 1. Д. 248. Л. 2.

6. См.: Самарские ведомости. 1918. 22 июня.

7. ГАСПИ СО. Ф.3500. Оп. 1. Д. 239. Л. 31.

8. Троицкий В. Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии. (Хроника событий). Т. 2. Самара, 1929. С. 121.

9. ГАСО. Ф.Р-4140. Оп. 1. Д. 42. Л. 18-18 об.

10. В Самаре уже 8 июня на экстренном заседании представителей квартальных советов были выдвинуты требования отмены твердых цен на муку и зерно; обеспечения свободного и безопасного ввоза в город продовольственных товаров крестьянами; свободного приобретения этих товаров гражданами (с оговоркой: «но не для спекуляции»); разрешение свободной выпечки и продажи хлеба частными хлебопекарнями (ГАСО. Ф.Р-1898. Оп. 1. Д. 3. Л. 4). На чрезвычайном заседании Бугурусланского уездного земского собрания (1 июля) по итогам доклада по продовольственному делу подавляющая часть гласных также высказалась за свободную продажу и вольные цены на хлеб. Было даже отвергнуто предложение гласного Сагалаева о сохранении твердых цен на необходимые нормы хлеба при разрешении свободного вывоза и продажи по вольным ценам излишков. (Там же. Ф.Р-123. Оп. 1. Д. 5. Л. 8-9). Совместное заседание Мелекесской посадской думы и представителей общественных, правительственных и кооперативных учреждений (7 июля) постановило установление свободной купли и продажи по существующим на рынке ценам для всех продуктов первой необходимости (некоторые ограничения относились лишь к хлебу). (Там же. Д. 6. Л. 4 об.).

11. Выступая, к примеру, 8 июня 1918 г. на заседании Симбирского комитета РКП(б), большевик Панин, объехавший перед тем по поручению Революционного штаба Симбирской губернии регион Среднего Поволжья, указывал (представив документы), что столкнулся с «самочинными действиями совдепов» по реквизиции товаров, в том числе среди беднейшего крестьянского населения, что «подорывает авторитет Советской власти» (ГАСПИ СО. Ф.3500. Оп. 1. Д. 279. Л. 101-102).

12. ГАСО. Ф.Р-123. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

13. В Самаре, к примеру, цена на выдаваемый хлеб выросла с 50 коп. за фунт до 90 коп. (См.: Там же. Ф.Р-532. Оп. 1. Д. 1. Л. 7; Ф.Р-1898. Оп. 1. Д. 2. Л. 142, 204). Сахар подорожал с 1 руб. 40 коп. за фунт до 5 руб. (См.: Правда. 1918. 25 июля).

14. ГАСПИ СО. Ф.3500. Оп. 1. Д. 258. Л. 7.

15. Скажем, меньшевистская «Вечерняя заря» радостно сообщала 17 июня: «Сегодня большой привоз хлеба, возами заставлена вся Самарская улица и часть площади у Троицы». (Вечерняя заря. 1918. 17 июня). 18 июня: «В связи с обильным привозом муки из окрестных сел цены на муку начинают постепенно падать». (Там же. 18 июня).

16. ГАСО. Ф.Р-4140. Оп. 1. Д. 12. Л. 6 об., 14 об.

17. Вечерняя заря. 1918. 3 июля.

18. Там же. 18 июля.

19. «Хлебный привоз сократился до минимума, цены возросли больше чем на 10 процентов». (Там же. 17 сент.).

20. ГАСО. Ф.Р-532. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.

21. Там же. Д. 4. Л. 3-3 об.

22. Там же. Л.32.

23. Там же. Ф.Р-123. Оп.1.Д.6.Л.11.

24. В том же Бугурусланском уезде, к примеру, в Емантаевке прибывший во главе с прапорщиком Паниным отряд «потребовал у старосты обеда, и когда последний отказал, то солдаты разместились по дворам, добывались, чтобы им подавалось мясо, сало, яйца, что крестьянами и исполнялось. Требования простирались и на мед». (Там же. Ф.Р-4140. Оп.1. Д.12.Л.21). Подобная ситуация массово прослеживается в архивных документах Кочуча.

25. Вечерняя заря. 1918.20 июня.

26. ГАСО. Ф.Р-532. Оп.1.Д.1.Л.7-8; Ф.Р-1898. Оп.1.Д.2.Л.204, 252.

27. В том же Мелекесском посаде, например, где еще 7 июля принято решение о свободной купле и продаже продуктов первой необходимости, уже 11 июля 1918 г. устанавливаются нормы и цены выдач картофеля, муки и т.п. А 18 июля рассматривается вопрос об установлении ограниченного времени реализации продуктов в розницу на местном рынке. (Там же. Ф.Р-123. Оп.1.Д.6.Л.8 об., 10 об.).

28. Закон отменял право частной собственности на землю и передавал ее с недрами, лесами и водами в народное достояние (Там же. Ф.Р-402. Оп.1.Д.2.Л.15 об., 16; Всероссийское Учредительное собрание: Стенограф. отчет. Репринт. изд. Киев, 1991. С.96).

29. ГАСО. Ф.Р-4140. Оп.1.Д.42.Л.43.

30. Там же. Ф.Р-402. Оп.1.Д.3.Л.28.

31. Характерна в этом плане жалоба (и отнюдь не единственная) бывшего владельца имения «Карлыкское» из Моршанской волости Николаевского уезда П.Л.Кузьмина, что он продал Хлебному совету рожь в количестве 100 десятин, с урожайностью до 20 тыс. пудов. Но крестьяне не допускают к уборке направленных для этого агронома и служащих, грозя им расправой. А убрали рожь себе, заявляя, что «они ни Хлебного совета, ни Земельного комитета, ни даже Комитета членов Учредительного собрания не признают» и «без боя не соддутся». (См.: Там же. Ф.Р-532. Оп.1.Д.1.Л.17).

32. Там же. Л.1.

33. Вечерняя заря. 1918.24 сент.

34. ГАСО. Ф.Р-532. Оп.1.Д.5.Л.67-67 об.

35. Вечерняя заря. 1918.24 сент.

36. Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии: Хроника событий. Куйбышев, 1972. С.184; Троцкий В. Указ. соч. С.154.

37. ГАСО. Ф.Р-532. Оп.1.Д.1.Л.26.

38. В Казани, к примеру, были закрыты все городские лавки, а приобретение товаров по карточкам осуществлялось через кооперативы. (См.: Вечерняя заря. 1918.29 авг.). В Самаре представительству Сибирских маслоделательных артелей запрещался непосредственный отпуск продукции кооперативам и частным лицам, но лишь продовольственным комитетам для распределения между населением. (См.: Там же. 10 сент.).

39. Там же. 10 сент.

40. Калягин А.В. Крестьянство и Кочуч (к вопросу о социально-политических настроениях крестьянских масс)// Краеведческие записки. Вып.Х. Самара, 2003.

41. По свидетельству В.В.Куйбышева, сквозное пароходное движение по Волге, перевозившее «десятки тысяч людей», сохранялось, чему и не могли и не

желали препятствовать ни большевистские, ни учредительские власти (См.: Куйбышев В. В. Эпизоды из моей жизни // Куйбышев В. В. Избр. произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 74-75).

42. ГАСО. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 10. л. 18.

43. См.: Там же. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.

44. Там же. Ф. Р-4140. Оп. 1. Д. 43. Л. 1 об.

45. Созданная Комучем специальная комиссия по денационализации развернула бурную деятельность и уже 8 июля объявила отсутствующими в пределах Самарской губернии «национализированные по декрету Совнаркома предприятия» и признала право собственности владельцев на «захваченные и отобранные у них предприятия» (См.: Самарская губерния в годы гражданской войны (1918-1920 гг.): Документы и материалы. Куйбышев, 1958. С. 32). Более того, предусматривалось не просто возвращение последних, но и возмещение стоимости «захваченных материалов, фабрикатов и полуфабрикатов, имевшихся налицо к моменту захвата», а также убытков, «происшедших от порчи машин и прочего имущества предприятия» (См.: Попов Ф. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка. — 2-е изд., испр. и доп. М.; Самара, 1933. С. 168).

46. Тот же председатель Комитета В. К. Вольский, выступая на съезде представителей земств и городов в августе 1918 г., говорил: «Капиталистический строй в настоящее время отменен быть не может. Капиталистическая промышленность должна существовать, и класс капиталистов должен иметь возможность вести промышленность» (Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1940. С. 340).

47. Вечерняя заря. 1918. 3 окт.

48. ГАСО. Ф. Р-4140. Оп. 1. Д. 42. Л. 29.

49. Желали паритетного правительства из «социалистических и несоциалистических групп», постепенно эволюционируя к идее военной диктатуры (См.: Калягин А. В., Парамонов В. Н. «Третий путь» в гражданской войне (Опыт деятельности Самарского Комуча). Самара, 1995. С. 14).

50. Четыре месяца учредительщины. Самара, 1919. С. 23.

51. Вечерняя заря. 1918. 18 июня.

52. Там же. 27 февр.

53. ГАСО. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

54. Там же. Ф. Р-1898. Оп. 2. Д. 2. Л. 72.

55. Там же. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 3. Л. 34.

56. К примеру, созданная в начале июля в Самаре в составе А. П. Крутовских, А. А. Мальшева, И. К. Рябкина, П. Я. Климова, В. Е. Бобкова комиссия по борьбе со спекуляцией сложилась с себя к началу сентября полномочия из-за «невозможности обследовать количество продуктов и выяснить причины спекуляции для борьбы с ней». (См.: Вечерняя заря. 1918. 8 июля; Приволжская правда. 1918. 12 сент.).

57. ГАСО. Ф. Р-1898. Оп. 1. Д. 2. Л. 129.

58. ГАСПИ СО. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 240. Л. 23.

59. ГАСО. Ф. Р-1898. Оп. 2. Д. 2. Л. 544.

60. Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

61. Там же. Л. 118 об.

62. Там же. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

63. Калягин А.В. Гражданская война в России. 1917-1920. Самара, 2002. С.51-64; Цветков В.Ж. Продовольственная политика деникинского правительства // Вопросы истории. 2004. №5.

64. Например, сахар, государственная выдача которого была прекращена (за исключением детей до трех лет и железнодорожных служащих), продавался на рынках из-под полы по 30–35 руб. за фунт (См.: Приволжская правда. 1918. 18 сент).

65. На 10 сентября стоимость пшеничной муки составляла на рынке 40-57 руб. за пуд (против прежних 55–65 рублей), а на 3 октября - 35-50 рублей. (См.: Вечерняя заря. 1918. 10 сент., 3 окт.). Стоимость ржаной муки на 17 сентября – 25–32 рубля за пуд; 3 октября – 20-27 рублей. (См.: Там же. 17 сент., 3 окт.). В конце июля 1918 г. ржаная мука на рынках Самары стоила 30–45 руб. за пуд. (См.: Там же. 25 июля).